

Женщинам моей семьи – тем,
кто сохранил память и чья сила
поддерживала меня в трудные времена.

Моей маме Ирине Квасневской,
благодаря которой эта история
однажды началась для меня.

И Вячеславу Барышевскому – тому,
с кем я узнала любовь и утрату
и стала ближе к женщинам своего рода,
чем когда-либо могла предположить.

ИРЕНА КВАСНЕВСКАЯ

ВДОВИЙ ДОМ

Семейная сага
о женской силе и стойкости

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К32

Квасневская, Ирена.

К32 Вдовый дом. Семейная сага о женской силе и стойкости / Ирена Квасневская. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Вместо тысячи советов — одна история).

ISBN 978-5-04-248202-1

Этот дом называли «Вдовым». Соседи шептались, дети обходили его стороной, но Ирена никогда не верила в приметы. Пока несколько лет спустя не вернулась сюда после смерти мужа... Тогда дом впервые отозвался в ней скорбью. И не только в ней.

Перебирая старые фотографии и пожелтевшие письма, Ирена раскрывала тайны прошлого, словно выпуская на свободу призраков тех, чьи судьбы слишком долго оставались в тени. Они переживали войны и революции, любовь и предательство, потери и разлуки и каждый раз находили в себе силы жить дальше. Но какая волшебная сила помогла им и точно ли волшебная? И почему спустя столько лет их история оказалась нужна Ирине?

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248202-1

© Ирена Квасневская, текст, 2026
© Анастасия Штарк, иллюстрация на обложке, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Оглавление

Пролог	7
--------------	---

Часть I. София. На крыльях пепла

Глава 1. Город, где рождается ветер	23
Глава 2. Чужая земля	28
Глава 3. Казань	37
Глава 4. Любовь, комсомол и весна	44
Глава 5. Товарищ Николай	51
Глава 6. Ревность	67
Глава 7. Бегство	74

Часть II. Анна

Глава 1. Мёртвое поле	81
Глава 2. Дорога в никуда	92
Глава 3. Барак	98
Глава 4. Галчонок	103

Часть III. На крыльях пепла

Глава 1. Пожар	115
Глава 2. Пепел	120
Глава 3. На крыльях пепла	125
Глава 4. Свет	134
Глава 5. Ветер перемен	138

Часть VI. Тёмные времена

Глава 1. Новая жизнь	147
Глава 2. Дело вредителей	153
Глава 3. Брат	160
Глава 4. Старая пластинка	169
Глава 5. Баю-бай	174
Глава 6. Важное дело	183
Глава 7. Зимний эшелон	193
Глава 8. Домой!	202
Глава 9. Больница	209
Глава 10. Тихое счастье	214
Глава 11. Встреча	220
Глава 12. Отъезд	226
Глава 13. Письмо	231
Глава 14. Ночь	237
Глава 15. Вильно	239

Часть V. После войны

Глава 1. Небо	247
Глава 2. Светланка	253
Глава 3. Телеграмма	258
Глава 4. Отпуск	271
Глава 5. Лёд и пламя	278
Глава 6. За семейным столом	284
Глава 7. Сирена	290
Глава 8. «Пустых небес прозрачное стекло...»	296
Глава 9. Дремлющая война	301
Глава 10. Прощание	306
Глава 11. После тебя	311

Часть VI. Несгораемый чемоданчик

Глава 1. Открытка	321
Глава 2. Арбуз	326
Глава 3. Пока ты рядом	332
Глава 4. Чемоданчик	343
Эпилог	347

Пролог

Я не знала, что делать с этим домом.

Он был старый, продуваемый всеми ветрами. Окна-глаза, словно катарактой затянутые пылью и паутиной, подслеповато шурились от дневного света.

Внутри пахло сыростью, прогнившим деревом и отчего-то — морем.

«Скорее, плесенью», — поправила я себя, останавливая разгулявшееся воображение. До ближайшего моря отсюда километров пятьсот. Разве что представить себя потерпевшим кораблекрушение странником на необитаемом острове.

Пожалуй, это было ближе к истине.

Я приехала сюда после похорон мужа.

Бывшего мужа.

Десять лет мы не жили вместе. Десять лет нас разделяли границы, море, суша и несколько тысяч километров. Мы общались в основном по поводу детей: оценки, болезни, документы, новые ботинки, разрешения на поездки. Иногда спорили. Иногда неожиданно

смеялись, будто между нами ничего не случилось. Потом снова исчезали из жизни друг друга.

А теперь окончательно.

Сначала пришлось заниматься похоронами, документами, перевозить его прах в Польшу, где мы жили с детьми.

Прах.

Никогда не думала, что это слово будет иметь ко мне какое-то отношение.

Что однажды возьму в руки небольшую урну и пойму: там человек, с которым я когда-то собиралась прожить всю жизнь.

Я двое суток не выпускала из рук свою ношу — везла через две границы с пятью пересадками, и всё время думала о том, что человек, занимавший столько места в моей жизни, теперь помещается в небольшой коробке.

Такой лёгкий.

Такой невыносимо тяжёлый.

Мы похоронили его на сельском кладбище рядом с нашим домом, чтобы детям было куда приходить. Чтобы между ними и отцом больше не было границ, моря, суши и тысяч километров.

После этого я вернулась в его дом, чтобы разобрать вещи и документы. Наши дети были его единственными наследниками. Но они несовершеннолетние, поэтому разбираться с оставшейся жизнью их отца пришлось мне.

— Кем вы приходитесь умершему? — спрашивали меня в официальных инстанциях.

Хороший вопрос.

Уже не жена... Получается, не совсем вдова.

Мать его детей? Бывшая любовь? Человек, которого он когда-то называл родным, а потом много лет видел только по видеосвязи?

Для таких отношений в документах подходящей строчки не нашлось. Но нужно было в качестве законного представителя вступить в наследство от имени детей. Так объяснил нотариус. Звучало солидно — как будто речь шла про банковские счета, заводы, газеты и пароходы. На деле это означало приехать и решить, что делать со старым домом, где их отец провёл свои последние дни. Где он словно бы до сих пор жил. Его очки лежали на тумбочке возле кровати, будто он снял их перед сном. На спинке стула висела рубашка. В ванной стояла зубная щётка. Возле компьютера — чашка с высохшим чаем.

Я ходила по комнатам, боясь что-нибудь сдвинуть.

Казалось, стоит переставить чашку или убрать очки — и произойдёт что-то непоправимое.

Смешно.

Непоправимое уже произошло.

Я открыла шкаф.

Несколько рубашек, старые свитера и куртка, которую он носил много лет. Совершенно обычная тёмная вельветовая куртка. Потёртая на рукавах, с заедающей

молнией. Я столько раз просила её выбросить и купить новую.

Теперь выбросить её предстояло мне.

Я сняла куртку с вешалки.

Прижала к лицу.

Запах почти исчез — остался только слабый, едва уловимый след. Я надела куртку. Велика — мне хватило бы завернуться, рукава висят. Обняла себя руками и вдруг почувствовала, будто это он меня обнимает.

И меня накрыло.

Я сползла на пол возле открытого шкафа и разрыдалась — громко, захлёбываясь, не успевая вытирать слёзы. Плакала о нём. О себе. О нас, которых давно уже не существовало. О словах, которые мы не сказали. О том, что ещё можно было исправить, но мы всё откладывали на потом.

Это «потом» казалось бесконечным.

А оказалось — нет.

Не знаю, сколько я просидела на полу. Наверное, долго. В доме стемнело, а я всё держалась за края куртки, словно за руки человека, которого больше не было.

Наконец поднялась.

Нужно было разбирать шкафы, бумаги, вещи. Решать, что оставить детям, что увезти, что отдать, что выбросить.

Выбрасывать оказалось труднее всего.

Коробочка с иголками и разноцветными нитками. Несколько пуговиц. Старые зарядные устройства. Записные книжки с телефонами людей, которым уже сто лет никто не звонил. Чеки. Ключи неизвестно от чего.

Ничего ценного.

Но все они хранили воспоминания.

На столе лежал бумажник. Я открыла его. Банковские карты, паспорт и СНИЛС, документы на машину... и фотографии. Он носил их с собой. Я с нашей старшей дочкой на руках. Совсем девчонка. Я со смешной стрижкой. Фото детей. Сложенный вчетверо листок. Я осторожно развернула. Мой почерк — записка, написанная двадцать лет назад, когда наша жизнь только начиналась и казалась бесконечной.

Я даже не помнила, что написала её.

А он сохранил.

Взяла папку, в которой лежали детские рисунки. Кривые человечки, солнце с длинными лучами, дом с трубой и огромной дверью. «ПАПЕ» — старательно выведено разноцветными карандашами. Школьные фотографии, открытки, первые детские записки.

Господи, он хранил всё.

Каждую бумажку.

Я садилась на пол и плакала над сломанным перочинным ножиком или ручкой с высохшими чернилами — потому что помнила их историю и понимала, почему они не полетели в мусорку. Потом брала себя в руки, находила старую фотографию и начинала сначала.

Оказывается, можно разойтись, развестись, построить разные жизни, но всё равно остаться вписанными друг в друга — мелким почерком, где-нибудь на полях.

Начало темнеть. Я огляделась.

Копоть на стенах, паутина в углах, старая мебель, книги, коробки. Каждая вещь затягивала в прошлое, как в омут.

Надо было решить, что делать с домом.

Продать? Отремонтировать? Оставить детям на будущее как дачу?

Пока что хотелось одного: запереть дверь и больше никогда сюда не возвращаться.

Но дом уже захлопнулся и не выпускал. Я должна что-то сделать.

Я вышла в прихожую.

Пыльные половицы, пачка газет для растопки, лоскутные коврики на полу. В углу — проржавевший сундук, в котором когда-то хранилось приданое его бабушки. Каждую вещь, что там лежала, я помнила наизусть, даже открывать было не нужно — подвечное платье моей свекрови, моё свадебное платье, которое, конечно, я не стала забирать в «новую жизнь». Вышитая рубашка его отца, крестильные распашонки детей и прочие сентиментальные тряпочки.

На сундуке и рядом, почти до потолка, стояли коробки. Мои. После продажи родительской квартиры — это было много лет назад — я забрала оттуда вещи. Вытащила из кладовки, где они пылились бог знает

сколько лет, и привезла к нему. Точнее, к нам. Тогда ещё к нам.

Потом случились развод, быстрый отъезд в Польшу, скитания по съёмным квартирам, оформление документов, ремонт... Я всё думала: вот сейчас станет полегче — и займусь: выделю время, поеду, разберу, рассортирую, перевезу. Времени так и не нашлось... Ну что ж, значит, как раз пора.

Он, похоже, даже не заглядывал в эти коробки — просто перевёз их в новый дом и сгрузил в углу. Судя по слою пыли, несколько лет их никто не трогал. Я взялась за одну, стоявшую на сундуке. Она оказалась неожиданно тяжёлой.

— Чёрт, — пробормотала я, едва не уронив её на ногу. Поставила коробку на пол в комнате, где было светлее, и сняла крышку.

Письма. Фотоальбомы в красивых бархатных и кожаных обложках. Толстые тетради, газетные вырезки, папки с бумагами — семейный архив, осколки множества жизней, которые наверняка были счастливее моей.

Я взяла первый альбом и погладила рукой лиловый бархат обложки. Открыла — большое фото моей прабабушки Сони в военной форме. Какая красивая. И такая тяжёлая судьба... Да, про «счастливее моей» — это я явно погорячилась. Я уселась на полу и начала перелистывать страницы.

Казалось, дом дышал: затягивал пыльный воздух внутрь, шумно выдыхал сквозь щели в досках, похрипывал и старчески покашливал.

«Вдовый дом», — внезапно мелькнуло в голове.

Я услышала это от соседки, когда впервые сюда приехала. Она произнесла название шёпотом, перекрестилась, беспокойно оглянулась, а потом посмотрела на меня с неприкрытым любопытством.

— Знаете, говорят, в этом доме счастье не живёт, — сказала она, понизив голос. — Все женщины, которые здесь жили, проводили своих мужей в последний путь.

Я тогда отмахнулась.

Вдовый дом. Какая чушь. Муж купил этот дом после развода, руководствуясь исключительно ценой. Плевать ему было на весь мистический флёр, где каждая трещина в штукатурке — знак судьбы, а каждый скрип ступени — шёпот призраков. Мы были разведены — следовательно, проклятие проходило мимо по формальному признаку.

Как выяснилось, у проклятий свои представления о формальностях.

Теперь я сидела на полу среди вещей дорогого мне человека, перемешанных с моими, и пыталась понять, кто я.

Не жена.

Не вдова.

Вроде бы чужой человек — и всё же именно мне пришлось хоронить его, перевозить через границу, разбирать одежду и решать, что делать с коробочкой, в которой он хранил иголки.

Может быть, моя прабабушка Соня чувствовала себя так же, когда её муж исчез и она не знала, жив он или мёртв.

Ни жена, ни вдова.

Правда, я, в отличие от неё, уже знала, что ждать мне некого.

Ветер влетел в приоткрытую дверь и пошуршал старыми газетами. Одну из них унесло в угол, к открытой коробке.

Навести порядок в прошлом, подумала я с горькой усмешкой.

Или отнести всё на чердак?

Должен же тут быть чердак?

Я потянулась к письмам и взяла пожелтевший конверт.

Мелким аккуратным почерком на нём было выведено моё имя.

Я вздрогнула.

Сердце бешено заколотилось.

Что там? Послание из прошлого? Может, завещание или карта сокровищ?

Так, стоп. Размечталась.

Просто имя моей прапрабабушки Ирены, в честь которой называли меня. Это письмо для неё. Или от неё? Я отряхнула пыль с кончиков пальцев, вытерла руку о джинсы и осторожно вытащила из конверта тонкий листок.